

Лев Григорян

г. Москва

Потап Христофорыч и небесная звёздочка

Электрик Потап Христофорыч любил вечерами смотреть на звёзды. Он и в электрики-то пошёл потому, что монтажные искры напоминали ему звёздное небо. Россыпь звёзд на темнеющем небосводе навевала мысли возвышенно-поэтические, и Потап Христофорыч, выходя

на балкон, робел, как дитя, перед тайнами мироздания.

Бесчисленные яркие точки мерцали, переливались, и Потап Христофорыч томился от бессилия запомнить их имена. Но была среди них одна особая звёздочка, которую Потап Христофорыч втайне считал своей. Этой звёздочке не сиделось на месте: она возникала то здесь, то там, каждый вечер отыскивая себе новое пристанище – сегодня меж крыльев созвездия Лебедя, завтра на чаше Весов, послезавтра – на гребне Летучей Рыбы... Но Потап Христофорыч всегда её узнавал. Потому что, в отличие от прочих, холодных звёзд, она светилась тёплым, ласковым светом.

И вот однажды Потап Христофорыч стоял на балконе, скользя взором по скоплениям далёких миров, как вдруг та самая *его* звёздочка покатила по небу вниз. Она прочертила сияющий след, полыхнула ослепительной вспышкой – и шлёпнулась с треском и звоном прямо к Потапу Христофорычу на балкон.

Электрический разряд сверкнул, словно молния, и в квартире вышибло пробки. Лампы разом погасли, но тьма не настала, потому что на балконе светилась звезда.

– Ну и ну! – удивился Потап Христофорыч.

– Привет, – сказала ему звёздочка. – Вот и я.

И лучами мягко пригласила Потапу Христофорычу косматую шевелюру, вставшую дыбом от последних событий.

– Ты ко мне? – не поверил Потап Христофорыч.

– Получается, да, – вздохнула звезда. – Так уж вышло.

– Вроде ты и не рада, – заметил Потап Христофорыч.

– У изгнанниц горькая доля, – кивнула звёздочка. – Я стремилась светить для людей. Обнадеживать, утешать, согревать... У нас, звёзд, так не принято. Вот и не удержалась на небосклоне.

– Сочувствую, – искренне сказал Потап Христофорыч. Он хотел похлопать звезду по плечу, но она была круглая, и Потап Христофорыч ограничился тем, что пожал ей лучик. Затем взял её бережно на руки (звезда была тёплая, как котёнок) и занёс в дом.

– Прости, – сказала звезда. – Я тебе проводку сожгла, когда падала. Да и лампочки, кажется, перегорели.

– Не беда. Я налажу, – отозвался Потап Христофорыч. – Нам, электрикам, это несложно.

Но звезда настояла, чтобы Потап Христофорыч согласился принять её помощь. Не пропадать же впустую звёздной светимости.

Так что Потап Христофорыч приладил звезду в плафон вместо лампочки. Лучи её незримо протянулись к электроприборам, и житейский уют был восстановлен.

Одно было плохо: звезда грустила. Дни шли за днями, а ей становилось всё хуже.

Чтобы развлечь небесную гостью, Потап Христофорыч читал ей стихи самых разных поэтов или ставил весёлую музыку.

«Товарищ, верь, взойдёт она, звезда пленительного счастья! – гордо декламировал Потап Христофорыч бессмертные строки Пушкина. Или цитировал Ломоносова: – Открылась бездна, звезд полна; звездам числа нет, бездне – дна».

– Угу, – отвечала звёздочка. И ещё того пуще грустила.

А когда радио, заботливо включённое Потапом Христофорычем, пропело известную песню – *«Такие девушки, как звёзды, что светят в небе до утра...»* – бедная звёздочка зажала лучами уши. И, дождавшись окончания песни, спросила:

– Почему людей так влечёт к нам, звёздам? И в стихах великих поэтов звёзды – самый возвышенный образ. И в безвкусных песенках, меж-ушей-пролетаиках, самое затасканное слово – звёзды. Отчего так? Чем мы, звёзды, маним людей?

– Хм, – задумался Потап Христофорыч. – Вам присуще то, чего всегда не хватало людям: свет, красота, недостижимость, ощущение бесконечности... Вы летаете в небе, а люди вовек обречены мечтать о крыльях.

– Мы не летаем, – возразила звезда. – И свет наш холоден. Мало кто из звёзд вообще вспоминает о людях. Я одна такая наивная, да ещё несколько чудачек. Я ведь думала: людям нужна любовь, тепло. Я хотела светить для всех...

– Любовь людям не нужна, – покачал головой Потап Христофорыч. – Людям нужны мечты о любви. А это не одно и то же. Когда любовь достижима, она стынет и гаснет. Если звёзды полюбят людей, люди звёздами станут обёртывать воблу, чистить ржавые сковородки или делать капли от насморка с ароматом звёздной пыли.

– Тогда незачем жить, – прошептала звезда. И погасла. В комнате стало темно.

– Эй! – испугался Потап Христофорыч. – Ты куда?

– Я утратила смысл, – отозвалась звезда с ноткой вызова в голосе. И Потап Христофорыч облегчённо вздохнул: жива!

– Брось притворяться! – сказал он с напускной строгостью. – Не увиливай со службы. А то у меня холодильник потечёт. Нашла чему огорчаться. Все мы знаем: мир несовершенен. Могла бы уже и усвоить. Сколько ты уже светишь – миллион лет? Миллиард?

– О возрасте спрашивать неприлично, – сообщила звезда и, нехотя, зажглась снова.

– То-то же, – сказал Потап Христофорыч. – Нету смысла – ищи. Я вот каждое утро с этого начинаю. Ищу смысл. Хоть и знаю, что сизифов труд. Едва к вечеру что-то нащупаю, а наутро опять всё заново. Только знаешь, что мне помогало? Ты, твой свет в небесах! Посмотрю на тебя вечером и чувствую – не напрасно день прожил.

– Правда? – воспрянула духом звезда.

– А то, – проворчал Потап Христофорыч.

Звёздочка надолго умолкла. Затем сказала раздумчиво:

– Мне в детстве бабушка на ночь пересказывала легенду. Моя бабушка, Полярная звезда, знает много старинных историй. Та легенда была о беглянке. Одна юная звёздочка, как и я, искала смысл жизни. Она облетела много разных миров, но везде было пусто. Наконец ей попала планета, на которой шебуршились разные существа. Но они не были живыми, потому что у них не было души. Они ходили, говорили, поедали друг друга, но живыми не были. И это было так страшно и грустно, что беглянка заплакала. Её слёзы пролились на планету и вдохнули жизнь в сердца существ. Так планета сделалась обитаемой. А беглянка навек осталась при ней – не могла бросить своих подопечных.

– Ты это к чему? – не понял Потап Христофорыч.

– А к тому. Для всех звёзд эта сказка звучала пугающе. Как же можно – утратить свободу, забыть о себе, посвятить жизнь ничтожным букашкам? А меня вдохновляло. Я хотела такой же судьбы. Но однажды узнала: сказка-то – быль! Планета – Земля. Букашки – вы, люди. А беглянка – ваше Солнце.

– Так и думал, – насупился Потап Христофорыч. Ему обидно было оказаться букашкой.

– Вот я и грущу, – призналась звезда. – Прилетела к вам, а гляжу, место занято. Куда деться? Подскажи, может, сделаться мне вторым солнцем? Вам, людям, светлее будет.

– Нет, два солнца – перебор, – покачал головой Потап Христофорыч. – Если круглые сутки светло, когда ж людям спать? А без сна – сил работать не будет. И начальница моя, инженер Закабанчикова, меня уволит.

– Что же мне делать? – огорчилась звезда.

– Начни с малого, – посоветовал Потап Христофорыч. – Потренируйся. Чего сразу на солнце замахиваться?

И звезда начала тренировку. В хозяйстве Потапа Христофорыча завалился старый футбольный мяч, и прилежная звёздочка углядела на нём шевеление электронов. Для них и стала стараться, пожелав наделить их радостью жизни.

Увы, дело не сладилось. Электроны, пробудившись ото сна в благотворных лучах, мигом задали жару друг дружке. На мяче состоялись три мировые войны. Был жестоко разорван на части пацифист мирный атом. А затем уцелевшие жители пробурили в обшивке дыру – нефть качать, – и мяч сдулся. Пришлось электронам перебираться в чужие края. Хорошо ещё, у Потапа Христофорыча в запасе нашлась пожухлая дынька.

Что до звёздочки, то она разуверилась в благотворительности.

– Хочу вернуться на небо. Поможешь? – попросила однажды она Потапа Христофорыча. – Мой мир там. Ты был прав. Лучше светить людям издали.

– Я тебя не забуду, – обещал Потап Христофорыч. Дождался вечера, положил звезду в хозяйственную сумку и отправился на городскую электростанцию: чтоб вернуть звезду в небо, требовалось много энергии.

Как электрик, Потап Христофорыч не знал себе равных. Он погладил звезду на прощание по вихрастым лучам, сосчитал «раз, два, три!» – и соединил нужные провода.

– Я тоже тебя не забуду, – успела промолвить звезда. И кометой взлетела в небо. Позади остался светящийся след – будто шлейф свадебного платья.

А когда след угас, Потап Христофорыч обнаружил, что кругом кромешная тьма. Запуская звезду, он обесточил весь город.

Впрочем, поломку Потап Христофорыч исправил легко, город вновь засиял фонарями и окнами, и даже пронизательная начальница, инженер Закабанчикова, не смогла ничего заподозрить.

С той поры каждый вечер Потап Христофорыч снова смотрит с балкона на звёзды. Как и прежде, в небе звёзд миллионы. Как и прежде, они прекрасны, ослепительны и холодны. Но Потапу Христофорычу безразлично их стылое великолепие. Он ищет единственную тёплую звёздочку, ту, которая тронула его сердце. И он знает, что там, наверху, она помнит о нём.

Потап Христофорыч и чемодан на колёсиках

Потап Христофорыч работал электриком в ЖЭКе и был у начальства на хорошем счету. Но иногда на него нападала хандра. В такие дни Потап Христофорыч ленился, опаздывал на работу, ронял отвёртки, а в обеденный перерыв по рассеянности вместо сахара сыпал в чай ка-нифоль. Начальница ЖЭКа, инженер Закабанчикова, очень сердилась. И Потап Христофорыч, чтобы загладить вину, приглашал начальницу в театр.

В городском театре обычно давали оперу «Руслан и Людмила». Ещё была постановка для

малышей, «Три поросёнка». Других опер театр не ставил: режиссёр Долгожабов пятый год готовил феерию, но феерия проявляла строптивость и премьера откладывалась.

Впрочем, Потап Христофорыч и инженер Закабанчикова вполне довольствовались «Русланом и Людмилой»: Потап Христофорыч ценил стихи Пушкина, а инженер ценила галантность Потапа Христофорыча. Других посетителей в театре не было, и это способствовало романтике отношений.

Однажды утром Потап Христофорыч, расправившись с недельной хандрой, пошёл в театр за билетами.

«Руслан, поросята, – бормотал он по пути, гадая о том, что ждёт его в кассе. – Поросята, Руслан. Людмила и волк».

Внезапно Потап Христофорыч споткнулся и чуть не упал: он так поглощён был своими мыслями, что не заметил посреди дороги, на площади перед театром, большой чемодан. Чемодан был увесистый, тёмно-синий и на колёсиках.

Потап Христофорыч едва удержал равновесие, а чемодан тяжко ухнул и даже отъехал в сторону.

– Незадача, – сказал Потап Христофорыч, оглядываясь вокруг в поисках хозяина чемодана. Но театральная площадь была безлюдна.

– Чей багаж? – зычно спросил Потап Христофорыч, однако никто не откликнулся.

– Нельзя его так оставлять, – рассудил сам с собой Потап Христофорыч. – Вдруг ещё кто споткнётся, как Пушкин об Гоголя. Надо в Бюро находок снести. Или, может, в милицию? Вдруг у него бомба внутри?

– Не надо в милицию, – сказал чемодан низким голосом. – Бомбы чужды моей натуре. А на милицию у меня аллергия.

– Куда ж тебя деть? – удивился Потап Христофорыч. – Стоишь тут, среди дороги, людям ходить мешаешь.

– Я ж не просто так стою, – обиделся чемодан. – Я на театр ваш люблю. Памятник зодчества в стиле барокко. Видишь колонны с кариатидами?

– Да ты ценитель! – одобрил Потап Христофорыч.

– Поневоле, – вздохнул чемодан. – Езжу по свету, подпитываюсь культурными впечатлениями. Навёрстываю упущенное за прежние годы, когда я был ещё человеком.

– Так ты, должно быть, заколдованный принц? – догадался Потап Христофорыч.

– Увы, нет, – чемодан пожал бортиками. – Я рождён в пролетарской семье. Иван Иванович меня зовут. Сорок лет прожил, как все люди: учился, женился, работал. Стал директором чемоданной фабрики в родном Торжке. Трудился как вол от зари до зари, боролся за качество чемоданов. Создавал новаторские модели – чемодан с подогревом, чемодан трёхколёсный с клаксоном, чемодан реактивный подводный... Эх, да что теперь вспоминать...

Чемодан тяжело засопел и поник.

– Ну-ну, – сказал Потап Христофорыч. – Не падай духом. Я могу чем помочь?

– А чем тут поможешь... – чемодан Иван Иванович невесело скрипнул. – Такова, видать, моя планида. Столько сил отдавал работе, что не вытерпела жена. Говорит: «Так жить невозможно, я тебя целыми днями не вижу, а вечером приходишь и всё о чемоданах бормочешь. Не за этим я шла под венец». Я ей: «Аграфенушка, погоди! Вот мы только запустим на днях чемоданчик с пропеллером, и я сразу вернусь в семейное лоно. Сходим в кино, пойдём по музеям. Говорят, в Бологом есть прекрасный музей чемоданов...».

– А она? – спросил Потап Христофорыч, предчувствуя драму.

– Как хлестнёт меня полотенцем по шее: «Пропади ты, говорит, пропадом со своими чемоданами. Был бы сам чемоданом, авось тогда бы насытился чемоданными своими заботами. Глядишь, о жене бы вспомнил, о детях подумал».

– Так она у тебя, выходит, волшебница? – присвистнул Потап Христофорыч. – В чемодан тебя превратила?

– Не она, – признался Иван Иванович. – Я сам.

– Как же тебя угораздило?

– Хотел доказать Аграфене, что ради неё способен на всё. Напряг силу воли – и превратился. Ведь любовь, как известно, творит чудеса. Но, увы, мой подвиг во имя романтики – пропал втуне: жена совсем не обрадовалась и выставила меня из дому. Так с тех пор и скитаюсь по свету.

– Мда, – посочувствовал Потап Христофорыч. – Сурово с тобою судьба обошлась.

– Ничего, – ответил Иван Иванович. – Справляюсь понемногу. В кочевой жизни есть свои преимущества. Раньше я из Торжка не выезжал почти, недосуг было. А теперь всю Россию объездил. Музеев осмотрел – не перечить. Был и в Ясной Поляне, и в Третьяковке. Навестил Дом Довлатова в Пушкинских горах – там собрат мой живёт. За границей бываю. Сейчас вот увлёкся архитектурой.

– Что ж, дело стоящее, – одобрил Потап Христофорыч. – Барокко, вампир, рококо...

– Амбир, – поправил Иван Иванович. – Императорский стиль. Слушай, дружище, а поехали вместе? Поостранствуем, полюбуемся красотами мира. Колизей, Нотр-Дам, Тадж-Махал, Парфенон... Вдвоём-то всё веселее!

– За границу – документ нужен, – покачал головой Потап Христофорыч.

– У меня приятель завёлся, дипломат с позолоченной ручкой, – сказал чемодан. – Он мне дипломатический паспорт выправил. Попрошу, тебе тоже сделает.

– Начальство меня не отпустит, – вздохнул Потап Христофорыч. – Инженер Закабанчикова – женщина строгая. Она прогулов не терпит. Мне и так «Руслан» предстоит с «Поросятами».

– А ты ей из-за границы привези шанель номер пять, – посоветовал Иван Иванович. – Недовольство как рукой снимет.

– Думаешь, поможет? – усомнился Потап Христофорыч.

– Ещё как! – чемодан Иван Иванович молодецки сверкнул колесом. – Все женщины модницы. Моя Аграфена от шанели с ума сходила.

– Хорошо, уговорил, – согласился Потап Христофорыч.

– Вот и славно, – обрадовался Иван Иванович. – Куда поедем? Будапешт, Калуга, Париж?

– Я бы в Запорожье хотел, – признался Потап Христофорыч. – Там легендарный дуб Лукоморья произрастает. Под этим дубом сам Пушкин вдохновение черпал.

– Что ж, дуб так дуб, – не расстроился Иван Иванович. – Ежели Пушкин не всё вычерпал, может, и нам перепадёт.

И они отправились в путешествие. Правда, в Запорожье попали не скоро. Потому что в аэропорту Иван Иванович повстречал множество старых знакомых – чемоданов, баулов и саквояжей, выпущенных на фабрике в Торжке и разошедшихся по всему свету.

Знакомые наперебой звали Ивана Ивановича в гости. Отказать им Иван Иванович не мог. Так что Потап Христофорыч за компанию с ним посетил многие страны и повидал разные города. И на каждом вокзале, и в каждом аэропорту Ивана Ивановича встречали как родного.

А когда наконец утомлённые путешественники ступили на Запорожскую землю, Ивана Ивановича вдруг окликнул переливчатый голосок. То была изящная сумочка-ридикюль с перламутровой кнопкой.

– Ах, – воскликнула она звонко и кинулась прямо к Ивану Ивановичу. – Вот ты где, дорогой! А я так тосковала, так плакала...

– Аграфенушка! – обомлел Иван Иванович, распахнув от изумления крышку. – Грушенька, душа моя!

– Видишь? Под стать тебе стала, от избытка нерастроченной нежности, – обняла его Аграфена. – Ну пойдём же домой! Без тебя, без твоих чемоданностей там так пусто, так горестно...

И она лёгкими пинками стала подталкивать Ивана Ивановича в направлении родины (нужную широту с долготой подсказало ей сердце).

Что поделаться... Иван Иванович извинился перед другом, и к заветному дубу Потап Христо-

форыч прибыл один.

Дуб его огорчил. Колоссальная крона давно уж засохла. Ни цепей, ни учёных котов Потап Христофорыч не углядел.

Сев под дубом, он угостился заранее припасённой медовухой и задумался о волшебной силе искусства.

– Вот, – сказал Потап Христофорыч. – В этом гений поэта. Взять обычное старое дерево – и превратить его в сказку. Населить котом, русалкой, обернуть сверкающей цепью, да так, чтобы весь народ с детства знал этот образ, представлял его столь же наглядно, как свой собственный дом или сад. На века... Ай да Пушкин!

С ветвей дуба свесился пушистый хвостик.

– Кот! – воскликнул Потап Христофорыч, вскакивая на ноги. – Песню! Будь добр?

– Не в голосе, – буркнул кот. И скрылся в густых ветвях.

А Потап Христофорыч, успокоенный, отправился в военторг и купил для начальницы шинель пятый номер (модель для десантниц и лётчиц). С тем и вернулся домой.

Только инженер Закабанчикова шинель не одобрила, посчитав материал слишком грубым. Пришлось Потапу Христофорычу вести её на «Руслана и Людмилу» вне очереди.

